

Понятие гегемонии в теории мир-системного анализа

И.И. Таркан
БГПУ (Минск)

Необходимость осмысления понятия гегемонии обусловлена глобальным кризисом, которое переживает техногенное общество в XXI в. Одним из проявлений данного кризиса является парадигмальный сдвиг в культурно-идеологической сфере, ознаменовавшийся переходом от либеральной идеологии к неоконсервативной. Большое влияние на формирование концептуального содержания и дискурса последнего оказала теория столкновения цивилизаций профессора Гарвардского университета Сэмюэля Хантингтона. В соответствии с его теорией основными субъектами международных отношений в XXI в. станут не государства-нации, а мировые цивилизации, которые будут вести друг с другом непрекращающуюся борьбу за мировое господство: «Не может быть настоящих друзей без настоящих врагов. Если мы не ненавидим того, кем мы не являемся, мы не можем любить того, кем мы являемся...» Прискорбную правдивость этих старых истин не может отрицать ни учёный, ни политик. Для людей, которые ищут свои корни, важны враги, и наиболее потенциально опасная вражда всегда возникает вдоль «линий разлома» между основными мировыми цивилизациями» [8, с. 20]. Подтверждением этих слов служат многочисленные события, которые можно было наблюдать на протяжении 2000-х гг.: ограничение прав эмигрантов и ужесточение внешней политики в странах Севера, рост религиозного фундаментализма и многочисленных межэтнических конфликтов в странах Юга.

Основные вопросы, возникающие в связи с переменами в культурно-идеологической сфере, заключаются в том, представляет ли переход к неоконсервативной идеологии в XXI в. реальную угрозу для просвещенческих ценностей, таких как свобода и равенство? Можно ли в этой связи говорить об окончательной смерти либерализма, который являлся идеологическим ядром культуры модерна с конца XVIII в. до конца XX в.? Или же современная социокультурная ситуация представляет собой лишь временную реставрацию неоконсерватизма, жёсткий курс которого позволит преодолеть современный глобальный кризис и создаст предпосылки для возврата к либеральным ценностям?

В рамках цивилизационного подхода можно выделить две крайние позиции, которые дают ответы на эти вопросы. С одной стороны, С. Хантингтон постулирует столкновение цивилизаций как окончание эпохи модерна и отказ от просвещенческих ценностей. С другой стороны, ему оппонируют сторонники концепции диалога цивилизаций, утверждающих диалогичность как неотъемлемое качество каждой цивилизации. Так, бывший президент Ирана Мохаммад Хатами доказывает, что культурный обмен между цивилизациями, происходивший на протяжении более пяти тысяч лет, является основой и главной характеристикой исторической динамики и должен стать принципом международных отношений в XXI в. [6]. Несмотря на противоположные прогнозы относительно социокультурного развития глобального сообщества, в целом методологический недостаток цивилизационного подхода заключается в том, что в нём культурно-исторические типы рассматриваются отдельно от социально-экономических процессов. «Отсюда возникает уверенность, будто существует некий “западный” и “русский человек” вообще, вне конкретного политического, социального и экономического контекста» – пишет известный представитель леворадикальной мысли Борис Кагарлицкий [5, с. 19]. Поэтому столкновение и диалог, будучи имманентными характеристиками

цивилизаций, также понимаются как чисто культурные явления, не подверженные влиянию социальных изменений.

В противоположность этому в теории мир-системного анализа утверждается, что современный культурно-идеологический кризис является частью общего кризиса капитализма. Поэтому те изменения, которые происходят в сфере культуры можно понять только в том случае, если рассматривать их в контексте общих тенденций, свойственных для позднего капитализма. Только при таком системном подходе можно ответить на поставленные выше вопросы о дальнейшем социокультурном развитии человечества.

В целом, главную тенденцию позднего капитализма можно охарактеризовать как кризис гегемонии – особой системы властвования, возникающей в капиталистическом обществе. Поскольку культура играет ключевую роль в идеологической легитимации гегемонии, её современное состояние можно прояснить, если проанализировать историческую динамику гегемонии начиная с зарождения и заканчивая нашим временем. Цель данной статьи заключается в том, чтобы исследовать понятие гегемонии в работах представителей мир-системного анализа, и исходя из этого показать общие особенности и фундаментальные отличия между культурно-идеологическим кризисом позднего капитализма и кризисами раннего и зрелого капитализма.

Прежде всего следует отметить, что понятие гегемонии является центральным в теории основоположника мир-системного анализа Иммануила Валлерстайна. Данное понятие представляет собой результат концептуализации идей, сформулированных выдающимся французским историком Фернаном Броделем. Ф. Бродель представлял капитализм как многоуровневую систему, высшим уровнем которой является «противорынок»: «Наконец, рядом с этим слоем (авт. – рынком) или, вернее, над ним зона «противорынка» представляла царство изворотливости и права сильного. Именно там и располагается зона капитализма по преимуществу – как вчера, так и сегодня, как до промышленной революции, так и после нее» [2, с. 220]. Функционирование «противорынка» или капитализма предполагает «регулярно возобновляемое строительство монопольных ограничений на путях предпринимательской рыночной конкуренции» [4, с. 10]. Бродель отмечает, что установление и защита ограничений на конкуренцию осуществима только в том случае, когда финансовый капитал монопольных организаций соединяется с государством. Такой симбиоз государства и капитала является самой сущностью и историческим началом капиталистической системы. Хотя Ф. Бродель в своих работах не использовал понятие гегемонии, его идея о капитализме как системе властвования монопольных организаций и государства над предпринимательской рыночной стихией получила дальнейшее развитие у И. Валлерстайна в рамках созданной им концепции гегемонии.

И. Валлерстайн обращает внимание на то, что гегемония как форма политической организации не существовала в рамках миров-империй, процветавших в докапиталистическую эпоху. Имперская мир-система характеризовалась совершенно иной политической организацией, основанной на господстве – едином централизованном государстве с мощной военной бюрократией [10, с. 15]. Развитие капитализма как самостоятельной мир-системы невозможно было в рамках гомогенного имперского государства. Поэтому капитализм создал принципиально новую политическую организацию, основанную на взаимодействии множества суверенных государств: «Капитализм смог расцвести именно потому, что мир-экономика включала в себя не одну, а множество политических систем» [10, с. 348].

Далее Валлерстайн отмечает, что историческая динамика капиталистической гегемонии была связана с неоднократными попытками мир-империй ликвидировать межгосударственную систему и преобразовать мир-экономику в направлении имперского централизованного государства [11, с. 38]. Эти попытки предпринимались Габсбургами (в XVI-XVII вв.), Францией (в XVII-XVIII вв.) и Германией (в XX в.) и все они потерпели крах. «Однако, – продолжает Валлерстайн, – существовали также повторяющиеся и совершенно противоположные попытки определённых государств достичь гегемонии в межгосударственной системе и эти попытки фактически увенчались успехом в трёх случаях, хотя лишь на сравнительно короткие периоды» [11, с. 38]. Три случая гегемонии в истории мир-экономики, о которых пишет Валлерстайн, – это гегемония Нидерландов (XVII в.), Великобритании (XIX в.) и США (XX в.).

Исходя из валлерстайновской концепции гегемонии другой видный представитель мир-системного анализа, Джованни Арриги, выделяет две «логики власти» в истории капитализма – территориалистскую и собственно капиталистическую. Дж. Арриги отмечает, что в первом случае основой власти является протяжённость территории и население, во втором случае власть стремится к установлению контроля над редкими ресурсами и мобильным (авт. – финансовым) капиталом [1, с. 75-76]. Вместе с тем, разрабатывая собственную теорию гегемонии Дж. Арриги усматривает существенные недостатки в подходе Валлерстайна, который редуцирует гегемонию к экономическому превосходству государства: «Материальная основа такой державы лежит в способности экономических субъектов, расположенных в этой державе, действовать более эффективно на всех трёх главных экономических аренах – в агроиндустриальном производстве, торговле и финансах» [11, с. 39]. В соответствии с позицией Арриги, гегемония представляет собой нечто большее, чем экономическое или же политическое превосходство: «...это дополнительное могущество, которое выпадает преобладающей группе благодаря ее способности вести общество в направлении, которое служит интересам не только преобладающей группы, но также воспринимается ведомыми группами как служащее более общим интересам» [7, с. 26].

В целом Арриги восходит к идеям известного итальянского левого мыслителя Антонио Грамши, который понимал под гегемонией не классовое превосходство, но культурно-нравственное лидерство, основанное на универсальном миропонимании [9, с. 349]. Применяя идеи Грамши к анализу системы межгосударственных отношений, Арриги пишет, что «только руководство/ лидерство... определяет ситуацию в качестве гегемонистской» [1, с. 71] или ситуации дополнительной власти, «которая накапливается господствующей группой благодаря своей способности представлять все проблемы, вокруг которых возникают разногласия, “общезначимыми”» [1, с. 69-70].

Рассматривая историю капитализма как процесс развития и смены гегемонии (культурного лидерства), Арриги отмечает, что первым гегемоном, хотя и непродолжительное время, была Голландия. С заключением Вестфальского мира в 1648 г. возникла новая мировая система правления, в соответствии с которой идея верховной власти или организации суверенных государств сверху перестала работать. Вместо неё устанавливалось представление о том, что все государства образуют международную политическую систему, базирующуюся на принципах международного права и баланса сил – праве и силе, действующими между государствами, а не над ними. Второй этап в развитии капиталистической гегемонии был связан с распространением британского империализма. Если Вестфальская

система основывалась на принципе, согласно которому межгосударственная система не подчинялась никакой верховной власти, то британский империализм ввёл принцип, согласно которому внутригосударственные и межгосударственные отношения подчинялись верховной власти новой, метафизической сущности – мировому рынку, наделённому сверхъестественной силой, которая превосходила силу римского папы и императора в средневековой системе правления [1, с. 99].

В случае перехода к фазе гегемонии США Дж. Арриги снова обращает внимание на ключевую роль идеологии, в основе которой лежало стремление к созданию универсальных и глобальных социальных ценностей: «Наиболее важной особенностью программ Вильсона и Ленина было то, что они не ограничивались Европой, а включали весь мир, то есть они обращались ко всем народам мира, отрицая более раннюю европейскую систему, которая ограничивалась Европой или предполагала распространение этой системы на весь мир. Призывы Ленина к мировой революции привели к появлению, как продуманного ответа, “Четырнадцати пунктов” Вудро Вильсона: солидарности пролетариата и восстанию против империализма противопоставлялось самоопределение и столетие простого человека» [1, с. 111].

Периоды между гегемониями Дж. Арриги называет «господством без гегемонии» – этапами, когда старое гегемонистское государство уже исчерпало свой культурно-идеологический потенциал, а претенденты на гегемонию ещё не выработали новых универсальных ценностей. На этих промежуточных этапах происходит переход от диалогического универсализма к империалистическому партикуляризму, служащему обоснованием притязаний для присоединения стратегических территорий и установление мирового господства. Именно в это время в государственной идеологии на первое место выходит манихейская тематика вечной борьбы Добра со Злом, которая характерна для концепции столкновения цивилизаций С. Хантингтона и в целом для неоконсервативного дискурса западных стран в XXI веке. В этом смысле между современным поворотом к неоконсервативной идеологии и реставрациями консерватизма в прошлые века не существует принципиальной разницы. Вместе с тем, культурно-идеологический кризис XXI в. приобретает особую проблематику в условиях кризиса поздней капитализма.

И. Валлерстайн отмечает, что все предшествующие кризисы капитализма были структурными, в то время как современный кризис носит системный характер. Согласно Валлерстайну, это означает, что мир-экономика подошла к рубежу своего исторического существования. В этой связи он обращает внимание на четыре тренда, свидетельствующие об окончании капитализма как мир-системы. Во-первых, это истощение мирового фонда доступного дешёвого труда (дерурулизация). Во-вторых, это упразднение среднего класса, который на протяжении всей истории капитализма был её «самой прочной опорой». В-третьих, экологический кризис, который представляет острую экономическую проблему для мир-системы. Наконец, в-четвёртых, это усиливающийся социально-экономический разрыв между Севером и Югом, который создаёт невероятно сильное давление на миграционное движение с Юга на Север и грозит острыми социальными конфликтами [3, с. 137-139].

Всё это даёт серьёзные основания говорить о том, что в ближайшее время перехода к новой гегемонии, равно как и к парадигме диалогического универсализма не произойдёт. Будущее капитализма – это его постепенная гибель и трансформация в новую историческую мир-систему. С одной стороны, это время будет характеризоваться наращиванием межгосударственной борьбы, усилением идеологии культурного империализма и ещё большим отходом от просвещенческих

ценностей свободы и равенства. С другой стороны, этой тенденции должна быть противопоставлена борьба за создание более справедливой, эгалитарной мир-системы, основанной на ценностях социальной демократии и диалога культур.

Список использованных источников:

1. Арриги Дж. Долгий двадцатый век: Деньги, власть и истоки нашего времени/ Пер. с англ. А Смирнова и Н. Эдельмана. – М: Издательский дом «Территория будущего». – 472 с.
2. Бродель Ф. Материальная цивилизация, экономика и капитализм, XV-XVIII вв.: в 3-х т. Т. 2: Игры обмена. – М.: «Прогресс», 1988. – 632 с.
3. Валлерстайн И. После либерализма: Пер. с англ./ Под ред. Б.Ю. Кагарлицкого. – М.: Едиториал УРСС, 2003. – 256 с.
4. Дерлугьян Г., Харрис К. Эволюция командных высот капитализма// Арриги Дж. Долгий двадцатый век: Деньги, власть и истоки нашего времени/ Пер. с англ. А Смирнова и Н. Эдельмана. – М: Издательский дом «Территория будущего». – 472 с.
5. Кагарлицкий Б. Периферийная империя: циклы русской истории/ Б. Ю. Кагарлицкий. – М.: Алгоритм, Эксмо, 2009. – 576 с.
6. Хатами, Мохаммад. Ислам. Диалог и гражданское общество. – М.: РОССПЭН, 2001. – 240 с.
7. Arrighi G. and Silver B. Chaos and Governance in the Modern World System. – Minneapolis: University of Minnesota Press, 1999. – 337 p.
8. Huntington, Samuel P. The clash of civilizations and the remaking of world order/ Samuel P. Huntington. – New York: Simon and Schuster, 1996. – 368 p.
9. Selections From the Prison Notebooks of Antonio Gramsci. Edited and translated by Quentin Hoare and Geoffrey Nowell Smith. – London: Lawrence and Wishart, 1986. – 846 p.
10. Wallerstein I. The Modern World-System I. Capitalist Agriculture and the Origins of the European World-Economy in the Sixteenth Century. – N.Y.: Academic Press, 1974. – 411 p.
11. Wallerstein I. The politics of the world-economy. The states, the movements, and the civilizations. – Cambridge: Cambridge University Press, 1984. – 191 p.